

Воспоминания о родной кафедре. Ю. М. Ямпольский

*(выпускник 1969 г., член-корреспондент НАН Украины,
заведующий отделом Радиоастрономического института
НАН Украины, доктор физико-математических наук, профессор)*

*Наука имеет свойство лягаться как
ничто! (В. А. Мисюра)*

Когда я поступал на радиофизический факультет Харьковского государственного университета имени А. М. Горького, то мечтал стать биофизиком. Этот выбор во многом был обусловлен школьными привязанностями к медицине и биологии при хорошем знании физики. Поступление в 1964 году было сложным — большой конкурс между абитуриентами без рабочего стажа, отсутствие привилегий медалистам (моя золотая медаль стала лишь семейной реликвией), отдельный конкурс для производственников и отслуживших в армии. Все это, плюс модность новых в то время направлений: квантовая и космическая радиофизика, биофизика, физика полупроводников и СВЧ, привлекало способную молодежь, искренне стремящуюся к знаниям. Жесткий вступительный отбор, беспристрастный анализ достигнутого моими сокурсниками с высоты прошедшего 40-летия, позволяет сделать вывод — наш курс был очень силен и ярок. Пусть это звучит нескромно, но, по мнению наших, уже покойных преподавателей, декана — профессора В. М. Седых, профессора В. А. Мисюры, профессора П. В. Блюха, доцентов Б. Г. Сидоренко, А. И. Сапелкина и других, курс был запоминающимся. Первые три года обучения до разделения по кафедрам и специализациям сделали для меня, и, надеюсь, для большинства моих сокурсников очень многое. Во-первых, мы стали патриотами родного факультета, получили хорошее базовое образование и укрепились нравственно. Последнее мне представляется чрезвычайно важным особенно в наше теперешнее время — всеобщей коммерциализации и падения нравов... Общественная жизнь в то время бурлила в университете, оттепель 1960-х годов естественно проникла в студенческую и профессорскую среду. Практически не закрывался студенческий клуб, многие барды, молодые поэты, ученые и писатели — фантасты выступали со сцены большого университетского зала. ХГУ имени А. М. Горького славился своим студенческим театром — СИНТом, победителем всесоюзного конкурса, вокальным женским ансамблем, струнным симфоническим оркестром, хорошими спортивными командами, конкурсами факультетских стенных газет,

прекрасными КВНами, коллективной радиолюбительской станцией, студенческим конструкторским бюро и многим другим. Очень быстро мы поняли преимущества университета перед сильными харьковскими техническими вузами, особенно по физико-математическим специальностям. В университете преподавали ученые с мировыми именами и их прямые ученики. Особенно выделялись физфак и мехмат. И хотя радиофак был сравнительно новым факультетом, и собственные крупные научные школы только зарождались, но многие специальные предметы преподавали ведущие ученые из академических институтов города: Харьковского физико-технического института (ХФТИ), Института радиопизики и электроники (ИРЭ) и Физико-технического института низких температур (ФТИНТА). Двери аудиторий для студентов других факультетов были открыты, и можно было послушать лекции академиков И. М. Лифшица, А. В. Погорелова, В. А. Марченко, Б. И. Веркина и других. Некоторым из нас к окончанию третьего курса хотелось заниматься научной работой, некоторые смогли это воплотить, будучи еще студентами. Конечно, у читателя может возникнуть подозрение (и не без оснований), что уж очень «рассудительно» вели себя студенты середины, конца шестидесятых — не было бесшабашных вечеринок, прогулов лекций, шпаргалок, «хвостов», проработок на комитете комсомола и партбюро... Конечно, все это тоже было, но вряд ли современной молодежи можно объяснить силу и влияние «общественных организаций» тех лет, от решения которых, под присмотром «старших товарищей», зависело — дать стипендию или нет, предоставить общежитие или из него выселить, отчислить из универа и не просто так — на «вольные хлеба», а прямоком в Советскую Армию... Мы, безусловно, были детьми своего времени, воспитанными на общественных догмах того же времени, но нас учили порядочности — качеству, которое, на мой взгляд, не зависит от смены политических формаций. Понятие «коррупция» не имело под собой никакой материальной и нравственной основы. Прошу простить меня за длинное вступление к воспоминаниям о кафедре, но мне захотелось еще раз самому окунуться в атмосферу счастливой молодости и дать возможность студенту-читателю почувствовать, чем мы жили в те годы, если, конечно, у него найдется охота и время прочитать этот сборник.

При распределении по кафедрам после третьего курса на мой выбор определяющее влияние оказал близкий друг военных лет моих родителей, мой будущий научный руководитель, выдающийся радиопизик Павел Викторович Блюх. Я рано лишился отца и, естественно, перед профессиональным выбором пришел за советом к Павлу Викторови-

чу, он к тому времени заведовал теоретическим отделом в ИРЭ НАН Украины и по совместительству преподавал на кафедре космической радиофизики аэробию и физику плазмы. После беседы уже сомнений не было, и я подал документы на «космоса», так коротко называли нашу кафедру. Еще одним аргументом в пользу такого выбора была моя дружба со старшекурсниками (выпускниками 1966 года) — Лелей Гришиной, Виктором Синецким, Александром Николаенко и Пузенко. Все они были очень заметны в общественной жизни факультета, обладали блестящими способностями, на долгие годы стали моими друзьями, а затем и коллегами по работе в ИРЭ и ИИ НАНУ, и все, как ни удивительно, учились на нашей кафедре... Наша группа подобралась очень сильной: ленинский стипендиат — Володя Безродный, отличники: Александр Тыжненко, Олег Тырнов, Наталья Петина, Светлана Петренко, явных «слабаков» в группе не было. Кафедра была молодой и бурно развивалась, практически каждый способный выпускник мог при желании остаться работать в родном университете. Для нас все на кафедре было в диковинку: ночные бдения у приемников спутниковых сигналов, свежайшие новости о запусках космических аппаратов, лабораторные работы в пос. Гайдары, изготовление аппаратуры своими руками, которая тут же куда-то использовалась, километры бумажных диаграмм и десятки метров фотопленок со «следами» ионосферных эффектов, ореол закрытости и каких-то секретов... Очень интересны и современны были спецпредметы: распространение радиоволн и ионосфера — сам профессор В. А. Мисюра, теория информации — Э. Ш. Гойхман (оба в то время были полковниками в ВИАР им. Л. А. Говорова); астрономия — доцент В. И. Езерский (соавтор открытия вулканов на Луне), ассистентами были «свеженькие» выпускники — В. Д. Стасенко, А. А. Шадрин, В. А. Поднос, И. И. Капанин, Л. А. Пивень, А. М. Набока, В. Я. Блудов и др. Небольшая аудитория, близость к преподавателю и осознанный выбор специальности качественно изменили характер обучения, к нам заинтересовано присматривались, не отмахивались от вопросов и дискуссий. Для меня важным было и то, что я стал подрабатывать на полставки лаборанта на кафедре, поскольку после смерти отца (на втором курсе) всерьез подумывал перейти на вечерний, чтобы облегчить жизнь маме — учительнице, тянувшей для поддержки семьи две ставки (стройотрядовские деньги, заработанные после 3-го курса, тоже помогли удержаться на дневном). Повышенная стипендия + полставки лаборанта давали возможность «прилично» жить в то время студенту. После окончания университета в ИРЭ я на первых порах получал еще

меньше... Наши преподаватели давали много поводов для шуток. Например, Всеволод Александрович любил сдабривать свои лекции крылатыми выражениями, которые любовно коллекционировались каждым курсом и однажды в факультетской газете «Сигнал» была помещена их подборка. Нашей «находкой» была фраза «Наука имеет свойство лягаться как ничто!»... В. А. Мисюра был поразительно работоспособен, многими часами он просиживал на кафедре, не вставая со стула, требуя от сотрудников и студентов такого же поведения — не все выдерживали и как в детстве, когда уже было невмоготу, приходилось проситься выйти, что вызывало у него крайнее раздражение. Мисюра часами мог говорить с сотрудниками по телефону из дому, кто-то из остроумных подчиненных подключил аппарат к громкоговорителю и микрофону, что позволяло не сидеть у аппарата, все слышать и даже время от времени, реагировать на вопросы — «да», «конечно», «будет сделано». Однажды громкость динамика была выбрана чрезмерной и, профессор, услышав сам себя, вдруг переспросил: «Кто это меня передразнивает?» Как-то среди привычной «горы» аппаратуры, груды фотопленок и рулонов диаграмм на кафедре появились гигантские мотки (шары размером в метр и более) веревок с красными лоскутами... Так мы узнали, что наш заведующий — страстный охотник и готовится к очередному загону волков! Несколько дней особенно доверенные ассистенты распутывали, связывали и маркировали охотничьи «знарядья», студенты к этому допущены не были! Несмотря на трудный характер, Мисюра, безусловно, был сильным лидером и организатором, он смело брался за крупные проекты и личным примером «зажигал» окружающих своим напором. Как военный человек, он не вписывался в демократические традиции университетского профессора, требуя беспрекословного подчинения даже в спорных научных вопросах. Многие не выдерживали такого стиля общения и покидали кафедру, многие были научно «сломаны» на всю оставшуюся жизнь. Однако те, кто «выстоял», стали известными учеными и до сих пор составляют основную костяк кафедры.

Интересно читал астрономию В. И. Езерский, он обладал абсолютно не мигающим профессиональным взглядом. На спор мы следили, моргнет ли наш преподаватель в течение академического часа? Мог не моргнуть и всю пару! На мой «дурацкий» и «наглый» вопрос по этому поводу Владимир Иосифович спокойно ответил, что просидел многие годы наблюдателем у окуляра телескопа, тренируя себя профессионально, он научился не моргать, чтобы вдруг в этот момент не пропустить уникальное астрономическое событие, которое ждал всю жизнь...

Блестящие лекции читал Павел Викторович Блюх, они были доступны, интересны и красивы. Мы с удовольствием вели конспекты, пытаясь научиться так же красиво писать формулы и рисовать рисунки, как это делал наш преподаватель. Проработав позднее с ним более 30 лет, я смог убедиться в его таланте ученого, педагога-руководителя и популяризатора. Он воспитал многих выпускников кафедры, дав им путевку в науку, некоторые теперь сами доктора-профессора — маститые ученые: В. Г. Безродный, А. А. Минаков, А. П. Николаенко, В. Г. Синицын, автор этих заметок, В. В. Ярошенко и другие. Павел Викторович очень любил «красивые задачи» в космосе, особенно его привлекали природные линзы, волноводы и резонаторы. Он умел очень просто и доходчиво объяснять «на пальцах» сложные физические результаты и учил нас этому качеству. Главным его аргументом было утверждение — если ты действительно понимаешь то, о чем говоришь, то обязан дать понять это слушателю, не наводя «тень на плетень» заумными рассуждениями. Павел Викторович считал, что настоящий ученый обязательно должен раз в десять лет менять научное направление, сам он в этом преуспел, оставив после себя научных лидеров и школы в области шумановских резонансов, гравитационных линз, пылевой плазмы и ионосферных волноводов. В 1993 году академик Л. Н. Литвиненко предложил мне создать и возглавить в РИ НАНУ новый отдел ионосферного распространения радиоволн. Мое положительное решение всецело было предопределено поддержкой моих друзей — коллег, выпускников нашей кафедры В. Г. Синицына и В. Г. Безродного, и по сей день я имею удовольствие общаться с ними. В Радиоастрономическом институте НАН Украины в области космической радиофизики успешно работают два отдела, сильная СНЧ группа работает в ИРЭ НАН Украины.

Несмотря на то, что я после окончания ХГУ имени А. М. Горького с 1969 году работал в ИРЭ и РИ НАНУ, все годы не порывал с родной кафедрой, встречаясь с сотрудниками и просто моими друзьями. Так получилось в жизни, что одним из самых близких друзей со студенческих лет стал Олег Тырнов, теперь — профессор, заведующий кафедрой, лауреат Госпремии Украины и прочая, прочая... Олег удивлял меня и даже «раздражал» в студенческие годы своей организованностью и «правильностью», он «прибавил» к суткам еще один час (два раза в день переводил часы). Благодаря этому успевал сделать больше других и в университете, и за его пределами: отлично учился, блестяще освоил английский, мастерски стрелял из пистолета. Уже тогда, в годы счастливой юношеской бесшабашности, он был чрезвычайно надежным другом,

с ним мы пешком исходили восточный Крым, карабкались по отвесным скалам Карадага, вместе проводили досуг на лагерных сборах в Латвии, делились сокровенным, спорили о науке, политике и нравственных устоях. Олег — редкий человек в моей жизни, с которым я никогда не опасался быть откровенным, и жизнь не дала повода усомниться в этом. Спустя много лет, Олег — уже заведующий кафедрой, а я — заведующий отделом, мы опять сблизились и, надеюсь, не расстанемся. К сожалению, обоюдная занятость и не первой «свежести» здоровье не позволяют часто и подолгу встречаться, но чувство локтя и надежности меня не покидает, я знаю, Олег Федорович всегда поможет советом и делом. Многие научные проблемы обсуждали и решали вместе. В начале 90-х вместе налаживали новые научные контакты с американскими коллегами, вот когда пригодилось блестящее знание английского О. Ф. Тырнова! Совместно проводили первые украинско-американские эксперименты, вместе публиковали научные работы. Когда в конце 90-х я увлекся антарктической тематикой, очень хотелось привлечь потенциал кафедры к исследованиям геокосмоса в Антарктиде. Я обратился с предложением к заведующему. Олег Федорович делегировал на зимовку блестящего молодого радиофизика К. П. Гармаша, хотя понимал, что тем самым на год «лишается» одного из лучших сотрудников. Много лет назад я оппонировал Костину кандидатскую диссертацию и смог убедиться в научной «всеядности» и универсальности Константина Петровича. Поэтому, когда кафедра рекомендовала своего представителя, я отклонил всех других кандидатов, даже из числа сотрудников РИ НАНУ и КНУ. Костя на станции «Академик Вернадский» сделал за один год так много, что его до сих пор ставят в пример новым экипажам. Надеюсь, что еще многие сотрудники кафедры соприкоснутся с интересными исследованиями верхней атмосферы в южном приполярье. Я всегда с гордостью узнаю об успехах кафедры, радуюсь многим международным грантам и красивым научным результатам, с удовольствием оппонировать кафедральные диссертации, принимаю дипломников и аспирантов в отдел радиофизики геокосмоса РИ НАНУ (5 выпускников кафедры разных лет работают в отделе).

Не могу не вспомнить поддержку, которую оказала мне кафедра при защите кандидатской и докторской диссертаций. Всеволод Александрович в 1978 году дал прекрасный кафедральный отзыв на кандидатскую (профессор писал сам!), которую я защищал в Ленинградском государственном университете (ЛГУ). В 1990-м году кафедра согласилась быть ведущей по моей докторской. Товарищескую поддержку ока-

зал Леня Черногор (он готовил и подписывал отзыв), тогда уже доктор, профессор, известный специалист в области космической радиофизики, теперь — один из ведущих профессоров факультета, тоже лауреат, автор монографий, член многих специализированных советов и редакционных коллегий. Всегда по-хорошему завидовал его научной плодovitости и работоспособности. Лицо кафедры сегодня во многом определяется исследованиями Леонида Феоктистовича и его учеников.

Я боюсь пропустить и обидеть кого-либо из работающих на кафедре, не упомянув их в своих воспоминаниях. Кажется, практически всех знаю в лицо и по имени. Смог в этом убедиться на праздновании 200-летия университета в «узком кафедральном кругу». Приятно, что многие сотрудники помнят и меня, чему свидетельство — эпиграмма С. И. Мартыненко, прочитанная за столом в мой адрес. В коротком четверостишье узнал о себе нечто «новое»... Атмосфера, царившая на кафедре в праздник, очень напоминала семейную, людям приятно было быть вместе, а это главное завоевание, свидетельствующее о «здоровой» обстановке, без которой невозможно научное творчество и преподавательский процесс.

Хочу пожелать родному радиофаку хороших студентов и преумножения славных традиций, заложенных его основателями 60 лет назад.